

Единство традиции и новации как фактор устойчивого развития цифрового общества

УДК 316.4.057 DOI 10.26425/2658-347X-2023-6-1-21-28

Получено 09.02.2023 Доработано после рецензирования 13.03.2023 Принято 23.03.2023

Чернавин Юрий Александрович

Д-р филос. наук, проф. каф. социологии, психологии управления и истории

ORCID: 0000-0002-7848-8646

E-mail: uchernavin@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

На фоне множества сложных проблем, угрожающих устойчивому развитию мировой цивилизации, рассматривается диалектика традиции и новации в качестве закономерности социальной эволюции. Специфика ее реализации определяется конкретно-историческими условиями, позволяющими выделить три этапа развития: с доминированием традиции, преобладанием новации, единством традиции и новации. Необходимость подобного единства в цифровом обществе обусловлена его характеристиками «сложного» социума, общества риска, увеличением количества социальных онтологий, изменением показателей человеческой субъектности. Исчезающая однозначность причинно-следственных связей, растущая социальная неопределенность создают опасность схода с траектории устойчивого и эффективного развития, порождая потребность в ориентире,

оберегающем от ошибок. Таким ориентиром способен стать многовековой культурный опыт, предстающий в современном мире как традиция. Механизм единства традиции и новации выявляется при опоре на структуру духовной культуры, имеющей уровневый характер и обладающей поведенческими, мировоззренческими и генетическими образованиями. Реализация их потенциала представлена как учет требований, складывавшихся на протяжении тысяч лет в виде смыслов и архетипов, зачастую необъяснимых, но подвигающих к определенному выбору и поступкам. В целом речь идет о переходе от одного социального типа мышления и деятельности к другому, соответствующему цифровой цивилизации и способному обеспечить устойчивое развитие общества и личности.

Ключевые слова

Традиция, новация, единство традиции и новации, «сложное» общество, общество риска, человек традиционный, человек информационный, духовная культура

Для цитирования

Чернавин Ю.А. Единство традиции и новации как фактор устойчивого развития цифрового общества // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 21–28.

© Чернавин Ю.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Unity of tradition and innovation as a sustainable development factor of digital society

Received 09.02.2023

Revised 13.03.2023

Accepted 23.03.2023

Yuriy A. Chernavin

Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Sociology, Management Psychology and History Department

ORCID: 0000-0002-7848-8646

E-mail: uchernavin@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

ABSTRACT

Against the background of many complex problems threatening the sustainable development of world civilization, the dialectic of tradition and innovation is considered as a pattern of social evolution. The specifics of its implementation are determined by specific historical conditions that allow us to distinguish three stages of development – with the dominance of tradition, the predominance of innovation, the unity of tradition and innovation. The need for such unity in a digital society is due to its characteristics of a “complex society”, a risk society, an increase in the number of social ontologies, and changes in indicators of human subjectivity. The disappearing unambiguity of cause-and-effect relationships, growing social uncertainty create the danger of going off the trajectory of sustainable and effective development, generating the need for a guideline that protects

from mistakes. Centuries-old cultural experience, which appears in the modern world as a tradition, can become such a reference point. The mechanism of unity of tradition and innovation is revealed by relying on the structure of spiritual culture, which has a level character and has behavioral, ideological and genetic formations. The realization of their potential is presented as considering the requirements that have developed over thousands of years, and in the form of meanings and archetypes, often inexplicable, but encouraging certain choices and actions. In general, we are talking about the transition from one social type of thinking and activity to another, corresponding to the digital civilization and capable of ensuring the sustainable development of society and the individual.

Keywords

Tradition, innovation, tradition and innovation unity, “complex society”, risk society, traditional man, informational man, spiritual culture

For citation

Chernavin Yu.A. (2023) Unity of tradition and innovation as a sustainable development factor of digital society, *Digital Sociology*, vol. 6, no. 1, pp. 21–28. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-21-28

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Современный мир – царство технологий, пронизывающих все сферы общественной жизни. Обладание ими обеспечивает той или иной стране, наднациональной корпорации экономическое и политическое доминирование в мировом сообществе, а отсутствие – гарантированный проигрыш в конкурентной борьбе и безнадежное отставание в развитии. Вследствие этого, стремление к умножению технологий, выступающих практическим воплощением передового научного знания, предстает одним из основных трендов социальной динамики государств и обществ, идущих по пути постиндустриализма.

Основой возникновения эффективной технологии – производственной, социальной, научной, управленческой и т.д. – является новация (новшество, нововведение). Новация находит выход из ранее небывалой и постоянно меняющейся ситуации, при этом, как правило, ломается устоявшийся – традиционный – порядок вещей, действий, способов мышления. Но в результате не только находится ответ на новые вызовы природы и социальной среды, но и обеспечивается высокая эффективность деятельности.

Новация, «победившая» традицию, главенствует в качестве способа индустриального и постиндустриального развития, ее значимость и роль еще более возрастают со вступлением развитых социумов в цифровую эпоху. Однако в погоне за технологической результативностью забыты более общие и более значимые для социального бытия преграды и трудности. Так, к концу XX-го столетия мировая цивилизация оказалась в плену множества глобальных проблем. Попытки их решения пока не улучшили ситуацию. Беднейшим странам по-прежнему грозит голод, не обузданы пандемии, разгораются локальные конфликты, грозящие мировой войной, планета замерла на пороге экологического кризиса, деформируются нравственные и религиозные ценности, нарабатываемые веками...

Стало быть, способность усилить эффективность деятельности посредством новации/технологии в какой-либо отрасли или сфере не обязательно обеспечивает беспроблемное развитие макросоциальных систем. Более того, появляется опасность уйти в сторону с путей устойчивой и эффективной эволюции либо оказаться в цивилизационном тупике. По-видимому, алгоритмы мышления и деятельности, сегодня заточенные на новацию, должны претерпеть некие трансформации, позволяющие перейти от одного социального типа к другому, соответствующему

становящейся цифровой цивилизации и культуре. Как ни парадоксально, смысл такого перехода заключается не только в продвижении вперед, но и в своеобразном «шаге назад», в возвращении к опыту традиционной культуры, к единству традиции и инновации. В обосновании необходимости и содержания подобного единства состоит исследовательская задача статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ / METHODOLOGY

При обосновании заявленного в статье положения в качестве методологического рассматривается принцип единства сохранности и изменчивости. Сформулированный первоначально в биологии и психологии, он применим и к объяснению развития цивилизаций и социумов. Процессы сохранности (социальной наследственности) обеспечивают передачу сущностных структур и смыслов без искажения, а свойство изменчивости – основа активного приспособления общества к внешней среде и внутренним подвижкам – одновременно фактор необходимых преобразований. Противоречивое взаимодействие указанных тенденций поддерживает социальную эволюцию, обозначая в то же время пределы процессов.

Критический подход к противопоставлению традиционализма и антитрадиционализма в социальной эволюции позволил избежать крайностей в трактовке соответствующих процессов, а позиции Х.-Г. Гадамера и У. Бека по отношению к проблеме способствовали пониманию их взаимодействия.

Особенности современного постиндустриализма раскрываются при опоре на характеристики общества риска П. Лагатека, У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, концепции «индивидуализированного общества» У. Бека и З. Баумана, теорию «сложного» общества С.А. Кравченко. Для выявления уровневое строения духовной культуры применялись положения К. Юнга о глубинных смыслах человеческого духа, существующих, как правило, неосознанно.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESULTS

Первой исследовательской задачей, существенной для решения научной проблемы, является необходимость уточнения понятий – «традиция», «новация», «инновация». Под традицией понимаются разнообразные элементы социального и культурного наследия – смыслы, принципы, образцы, нормы, правила, требования. В них

воплощается общественная значимость опыта, накопленного на протяжении длительного развития социума и передаваемого от поколения к поколению. Сохраняющиеся в деятельности традиции, таким образом, не воспринимаются как нечто преходящее, имеющее во времени начало и конец. Это некое звено, соединяющее прошлое и будущее¹. Механизм реализации традиционных установлений связан с выполнением предписанных технологических операций, соблюдением их последовательности, а также с оценкой, благодаря которой традиции воспринимаются как залог эффективности и безошибочности.

Значения терминов «новация» и «инновация» в научной литературе не устоялись. Существующие подходы к их пониманию, как правило, представляют те или иные изменения в качестве новаций и инноваций. Например, одни возникают на индивидуально-личностном уровне, другие – на уровне социума. Или: первые характеризуют новшество в какой-либо технологии, вторые – отражаются на конечных результатах общественных преобразований и прочее. В нашем случае исследовательская задача связана не с динамикой инновации и новации, а с отношениями этих явлений с традицией, поэтому уместно использование обобщающего термина «новация». Под новацией понимается открытие, нововведение, способствующее утверждению социальной организации, мышлению и деятельности, основанных на принципах, нормах и методах, модернизирующих либо отрицающих ранее существовавшие традиционные явления подобного ряда.

«Традиция» и «новация», по сути, – парные категории, выявляющие социальные механизмы развития культур, обществ, цивилизаций. Взаимодействия между былым, устоявшимся и новым, становящимся, выступают как ответ социума на возникшие природные и социальные вызовы и необходимости. Вызовы имеют внутренний или внешний по отношению к обществу характер, обуславливают нюансы взаимопроникновения и противостояния традиции и новации, порождают тенденцию доминирования первого или второго на том или ином этапе истории. По большому счету, можно выделить три этапа соответствующего развития – с преобладанием традиции, затем новации, наконец, единства традиции и новации.

Исторически первый этап – господства традиции – соответствует длительному периоду в развитии культур в примитивных, затем традиционных обществах и продолжается вплоть до наступ-

ления Нового времени в Европе. В глазах «человека традиционного» мир, характеризующийся заведенным порядком, предстает как нечто неразрывно-целостное, священное и не подлежащее изменению. Статичному характеру общества соответствуют малоподвижные, воспроизводящиеся с постоянными характеристиками социальные структуры и институты, способы мышления, интерпретации, поведения. Видение природно-социальной целостности основывается на вере в существование неизменных абсолютов, связанных, прежде всего, с религиозно-мистическими представлениями о действительности. Мировоззрение выстраивается как совокупность готовых ответов, объяснений, ценностных ориентиров, представляющих окружающий мир логичным и понятным. Веками нарабатанные схемы, сориентированные на неизменность общественной жизни, подпитывают социальную инерцию и не требуют каких-либо новаций ни в субъекте, ни в объекте деятельности. В подобной ситуации редкое и длительное по времени вызревание новшеств происходит на базе существующей культурной матрицы, которая одновременно и задает, и ограничивает размах и природу новации. Социальным механизмом сдерживания «ненужных» изменений является выработка соответствующих табу. В целом существующая традиция, сохраняя себя, блокирует появление новых технологий во всех сферах деятельности, снижает скорость исторической эволюции.

Известная замедленность развития в традиционном мире, тесная взаимосвязанность его элементов позволяет определить статику в качестве одной из главных характеристик данной социальной системы. Индустриальное общество – другая целостность. Его высокая динамика обусловлена новой социальной направленностью: не сохранение устоявшихся структур, но их постоянное обновление во имя эффективности всех видов деятельности. Происходит повсеместное распространение соответствующих принципов и характеристик общественных отношений, способов организации деятельности и управления. Мир вступает в эпоху постоянных изменений и новаций. Устойчивыми остаются лишь инварианты, определяющие общую направленность исторического процесса. Институты экономики, политики, духовной и социальной жизни характеризуются текучестью. Субъекты и объекты деятельности в таком социуме выступают как процесс. Их одновременная трансформация создает множество новых точек соприкосновения. В результате резко возрастает неопределенность ситуации, число вариантов и альтернатив возможного

¹ Ивин А.А. (2004). *Философия: энциклопедический словарь*. М.: Гардарики. 1072 с.

развития событий. Успешное решение новой проблемы в постоянно меняющихся условиях порождает новацию. В данном случае она возникает не только в ходе мутации существовавшего цивилизационного кода, а как дополнение к нему, инородное по содержанию и появившееся в ответ на внутренние или внешние вызовы.

По большому счету, автором новации в индустриальном обществе является человек, предпринимательская активность которого лежит в основе развития социума. «Человек традиционный», существовавший под гнетом разнообразных табу, превращается в «человека многомерного», обладающего многими степенями свободы, соответствующим способом мышления, познания, деятельности. Индивид нетрадиционного мира оказывается эффективным профессионалом при условии не только владения соответствующими методиками деятельности, но и обладания особыми личностными качествами. Применительно к своей концепции М. Вебер, обобщая эти качества, называл их «духом капитализма» [Вебер, 2021, с. 15]. При опоре на данный подход следует вести речь, с одной стороны, о напряженной деятельности специалиста, глубоко «врастающего» в производственную, управленческую, научную ситуацию, с другой, – о его способности «прочувствовать новацию», безошибочно выбрать вариант решения. То есть мерилom эффективности и успешности становится искусство новации, свойство креативности, свидетельствующее не только об отходе от шаблонов, но и обеспечивающее прогрессивное продвижение социума.

Во второй половине XX-го столетия наиболее развитые государства вступили в эпоху постиндустриального развития, чуть позже началась эра цифровизации. Соответствующие изменения коснулись как социума, так и человека. Применительно к социальной организации в рамках исследуемой проблемы значимы характеристики «сложного» общества и общества риска. К признакам «сложного» социума С. Кравченко относит: самоорганизацию и рефлексивность социальных акторов; возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений; плюрализацию рациональности; наличие виртуальной реальности; образование гибридов социального и физического и другое. В целом, сложность измеряется по шкале «детерминированность – недетерминированность поведения». Функционирование сложного общества оказывается трудно управляемым, хаотичным, неопределенным [Носкова, 2013]. В этом отношении сложный социум коррелирует с обществом риска. Соответствующие концепции П. Лагатека, У. Бека,

Э. Гидденса, Н. Лумана представляют риск как событие с вероятностными последствиями. Риски социальных и цифровых трансформаций вносят неопределенность в каждую сферу и ситуацию, теряется однозначность причинно-следственных связей, складываются условия для появления «нестандартных» векторов и факторов развития. При этом риски «второго модерна» являются результатом социальной деятельности. Если в период «первого модерна» риски (эпидемии, неурожай, наводнения) были внешними по отношению к управленческим решениям, то сегодня человечество имеет дело с социально обусловленными феноменами такого рода [Бек, 2001]. Они возникают, прежде всего, как результат научно-технической деятельности, для которой планета стала огромной лабораторией. Парадоксально, но для того, чтобы справиться с этими рисками, социум опять-таки развивает науку и технику [Якуничев, 2022]. То есть возникает некий замкнутый круг, вырваться из которого можно, нащупав соответствующую точку опоры.

В цифровом мире меняются характеристики человеческой субъектности. «Человек информационный», реализующий свою активность одновременно в двух измерениях – виртуальном и реальном – оказывается в ситуации кратно возросшей неопределенности, а постоянная погруженность в цифровую среду с ее погоней за «сетевым успехом» блокирует трансляцию традиционных культурных ценностей. Личностная социальная траектория становится свободной от каких-либо границ, текучей и пластичной.

Возникающий в обществе кумулятивный эффект срабатывает таким образом, что развивающийся социум локализуется не в точке бифуркации, а в состоянии бифуркации, когда результат преодоления одной неопределенности оказывается ситуацией последующей неопределенности. Все это угрожает развитием «вразнос», при котором размытые протоколы деятельности позволяют решить ближайшие задачи, но уводят в сторону от стратегических целей. По-видимому, господство новации, обеспечившее прорывы индустриального и постиндустриального развития, окончательно исчерпывает себя в цифровом обществе. Возникает необходимость в нетривиальных подходах и управленческих решениях, обеспечивающих как высокую динамику, так и устойчивость развития. Их смысл сводится к выявлению уже упомянутой точки опоры, некоего критерия, ориентира, оберегающего от принципиальных ошибок. Таким критерием способен выступить многовековой культурный опыт, концентрирующий в себе ценности,

смыслы, алгоритмы поведения и предстающий в современном мире как традиция.

В качестве методологической основы для последующих рассуждений рассматривается принцип единства сохранности и изменчивости. Свое известное проявление он находит в противостоянии традиционализма и антитрадиционализма, сводящего, однако, борьбу сохранности и изменчивости к доминированию либо практического опыта, либо разума с его высотами. Это крайние позиции, в соответствии с которыми в первом случае традиция, поддерживаемая опытом, выступает как некая самоочевидность и не нуждается в разумных основаниях. Во втором случае западноевропейская рационалистическая философия, начиная с Нового времени, полагает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума². Негативное отношение к предрассудку отклоняет Х.-Г. Гадамер. «Преодоление всех предрассудков, это наиболее общее требование Просвещения, само разоблачает себя в качестве предрассудка», – подчеркивает он [Гадамер, 1988, с. 328]. «Безусловной противоположности между традицией и разумом не существует» [Гадамер, 1988, с. 335]. Постоянное обращение к традиции с исследовательским вопросом, по Гадамеру, обеспечивает науке когнитивный эффект. На сходной позиции стоит У. Бек, полагающий, что риски современного мира могут иметь позитивные эффекты в случае переосмысления и реконструкции норм, регулировавших поведение в прошлом [Beck, 2015]. В случае с практикой развития цифрового общества его устойчивая траектория может быть поддержана единством социальной наследственности и изменчивости, традиции и новации. Рассмотрим далее, каким видится механизм данного единства.

Его выявление опирается на структуру духовной культуры, обладающей тремя слоями соответствующих образований: 1) поведенческий (поверхностный); 2) мировоззренческий (средний); 3) глубинный (генетический) [Чернавин, 1997]. Поведенческий слой объединяет ценности и нормы деятельности, общественно-психологические образования (общественное мнение и настроение), содержание социальной информации и коммуникации. Основой мировоззренческого слоя духовных образований является менталитет, также его составляют мировоззренческие и нравственные принципы, ценностные ориентации, идеологии, выраженные в формах науки, религии, идеологии, искусства и т.п. Наконец, генетический слой образуют своеобразные информационные матрицы особо устойчивого характера,

которые существуют, как правило, неосознанно. К. Юнг называл «архетипами» те первообразы, которые составляют содержание «коллективного бессознательного» [Юнг, 1994, с. 126]. Человек либо общество до поры до времени могут не отдавать себе отчета в том, что где-то в глубинах индивидуального, группового, общественного сознания таится упорядоченная система смыслов и прообразов (например, по К. Юнгу, образ матери-земли, героя, демона и т.п.). Основная функция системы подобных архетипов – обретение родовым Человеком смысла жизни.

На социальной поверхности такие матрицы оказываются, во-первых, посредством деятельности, воплощаясь в идеалах, ценностях, пониманиях, нормах поведения, присутствуя тем или иным образом в содержании всех культурных слоев и составляя содержание духовности. Причем процессы подобного рода – это проявление не только социальной самоорганизации и саморегуляции, но и целенаправленный процесс. Так, функции передачи традиционной культуры последующим поколениям эффективны в Японии. Соответствующим институтом являются занятия традиционными японскими искусствами, тем или иным видом из которых занимается почти каждый японец на протяжении жизни. Во-вторых, образования глубинного слоя духовной культуры актуализируются как результат их теоретического осмысления. Такой процесс применительно, например, к золотому правилу нравственности прослеживается на протяжении многих веков развития моральной философии.

Верхние, поведенческие, слои и слои средние, мировоззренческие, весьма динамичны, активно «плывут» под влиянием факторов различного рода, являются пространством появления новаций. Смыслообразы глубинного слоя обладают устойчивостью, поддерживают традиционность. Они не зависят от повседневного опыта индивида, но характеризуют историческую память и национальную культуру того или иного общества. Безусловно, они подвержены изменениям, но для этого потребуются слом существующей культурной парадигмы. Таким образом, обеспечение единства сохранности и изменчивости в современном мире достигается, прежде всего, за счет подвижек в культуре. «Без активной позиции людей в сфере развития и распространения культуры, в духовно-нравственной сфере... мы рискуем провалиться в разрыв между новыми возможностями, создаваемыми технологиями, и неразумным использованием этих возможностей» [Бодрунов, 2022, с. 24].

² Там же.

Социальные и культурные характеристики общества и человека цифровой эпохи, фокусирующие внимание лишь на новациях, упускают из вида ограничивающие их процессы, сохраняющие традиции. По сути, современная цивилизация оказалась в точке ветвления. Возможным вектором исторической эволюции выглядит, в одном случае, устойчивое развитие социума и личности, опирающееся на диалектику исторической наследственности и изменчивости. В другом случае – социальные рывки, имеющие хаотичный характер и плохо поддающиеся прогнозированию. Они возможны как результат односторонности, абсолютизации изменчивости (в ее отрыве от сохранности), отрицания исторического опыта и традиционной культуры.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ / DISCUSSION

Социальные метаморфозы в системе «сохранность – изменчивость» обусловлены далеко не только факторами традиций и новаций. В современной социальной теории подходы к вопросу организации социума, проблеме механизмов его функционирования многообразны. Так, в работах З. Баумана и У. Бека развиваются концепции «индивидуализированного общества». Содержание индивидуализации рассматривается при опоре на особенности социальной дифференциации, расширения социального пространства, индивидуальных прав и возможностей, ослабления традиционных социальных форм и связей. Применительно к личности, с точки зрения З. Баумана, индивидуализация предстает как «освобождение человека от предписаний, унаследованной предопределенности его социальной роли» [Бауман, 2005, с. 290].

В то же время, несмотря на увеличивающееся в современном мире пространство свободы, господствующие в виртуальном и реальном мире отношения и структуры, в частности сетевые, не отменяют, а скорее усиливают управление, манипулирование, контроль. Они объективны, принудительны и анонимны. «Люди уже давно забыли об анонимности и приватности, поэтому в Интернете, социальных сетях можно найти абсолютно любого человека, который живет там, где есть доступ к глобальной сети» [Камнева и др., 2022, с. 63].

Ряд исследователей обращают внимание на стремительное развитие цифрового и сетевого авторитаризма, уже приведшего к соответствующим социально-политическим изменениям [Burgers, Robinson, 2016, Pearce, Kendzior, 2012]. В целом размягчение социальной ткани, характерное для

цифрового общества, не означает освобождение от жестких алгоритмов, сходных с доиндустриальным миром. Однако их природа не всегда связана с институтом традиций и вследствие этого требует подхода, отличного от нашей темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Традиция и новация взаимосвязаны и предполагают друг друга. В целом единство и борьба данных феноменов предстает в качестве закономерности социальной эволюции, а особенности их функционирования, представляющие как тенденции, определяются характером того или иного этапа развития цивилизации. Социальная организация и культура цифрового общества, оказавшегося в состоянии бифуркации, предполагает не доминирование традиции либо новации, как это было в истории, но единство первой и второй. Их взаимодействие и взаимопроникновение позволит обеспечить относительную устойчивость социальной динамики, получившей в качестве своеобразного «якоря» многовековой опыт поколений.

Социальный потенциал традиции реализуется в деятельности двояким образом. Во-первых, речь идет об учете требований, норм, правил, последовательностей операций, которые складывались на протяжении сотен лет и характерны для различных видов культуры – национальной либо религиозной культуры, культуры того или иного вида деятельности, культуры коммуникаций и прочих. Во-вторых, традиция предстает как система смыслов и архетипов, возникших в бессознательном этноса и подвигающих его представителей к решениям и поступкам, зачастую сложно объяснимым и не поддающимся артикуляции. Такие смыслы связаны с ценностями существования и развития этноса, чувством Родины, эмоциональными привязанностями, верностью, милосердием, трудолюбием, стремлением к прекрасному и т.д. Их актуализация, представляющая как искусство традиции и новации, способна замедлить процесс безудержной погони за уровнем потребления, прозрачным удовлетворением симулятивных потребностей, измеряемых ныне по меркам экономической рациональности, способных лишить человечество гуманистических перспектив эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. (2005). Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. Иноземцева В.Л. М.: Логос. 390 с.
- Бек У. (2001). Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. Пер. с нем. Григорьев А. и Седельник В. М.: Прогресс-Традиция. 304 с.
- Бодрунов С.Д. (2022). От экономических интересов – к нооценностям // Вопросы философии. № 7. С. 15–26. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-15-26>
- Вебер М. (2021). Протестантская этика и дух капитализма. Пер. с нем. Левина М. М.: АСТ. 352 с.
- Гадамер Х.-Г. (1988). Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М.: Прогресс. 704 с.
- Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В. (2022). Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры // Цифровая социология. Т. 5, № 4. С. 56–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-56-66>
- Носкова А.В. (2013). Сложное общество глазами Сергея Кравченко // Полис. Политические исследования. № 3. С. 164–167.
- Чернавин Ю.А. (1997). Социальный статус военнослужащего (социально-философская концепция). М.: ВУ. 128 с.
- Юнг К.Г. (1994). Проблемы души нашего времени. Пер. с нем. Боковиков А.М. М.: Прогресс: Универс, Б.Г. 329 с.
- Якуничев Д.А. (2022). Общество риска: возможная модель развития современного общества Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. № 68. С. 174–182.
- Beck U. (2015). Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society? // Current sociology. V. 63, no. 1. Pp. 75–88. <https://doi.org/10.1177/0011392114559951>
- Burgers T., Robinson D.R.S. (2016). Networked authoritarianism is on the rise // Sicherheit & Frieden. V. 34, no. 4. Pp. 248–252. <https://doi.org/10.5771/0175-274x-2016-4-248>
- Pearce K.E., Kendzior S. (2012). Networked authoritarianism and social media in Azerbaijan // Journal of Communications. V. 62, no. 2. Pp. 283–298. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01633.x>

REFERENCES

- Bauman Z. (2005), *The individualized society*, Trans from Eng. Inozemtsev V.L., Logos, Moscow (in Russian).
- Beck U. (2001), *What is globalization? Errors of globalism – answers to globalization*, Trans. From German Grigorjev A. and Sedelnik V., Progress-Tradition, Moscow, Russia (in Russian).
- Beck U. (2015), Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society? *Current sociology*, vol. 63, no. 1, pp. 75–88, <https://doi.org/10.1177/0011392114559951>
- Bodrunov S.D. (2022), “From economic interests – to noo values”, *Voprosy Filosofii*, no. 7, pp. 15–26, (in Russian), <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-15-26>
- Burgers T., Robinson D.R.S. (2016), “Networked authoritarianism is on the rise”, *Sicherheit & Frieden*, vol. 34, no. 4, pp. 248–252, <https://doi.org/10.5771/0175-274x-2016-4-248>
- Chernavin Yu.A. (1997), *The social status of a serviceman (socio-philosophical concept)*, VU, Moscow, Russia (in Russian).
- Gadamer H.-G. (1988), *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*, Trans. From German, Progress, Moscow, Russia (in Russian).
- Iakunichev D.A. (2022), “Risk society: a possible model for the development of modern society”, Risk society: a possible model for the development of modern society, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 68, pp. 174–182 (in Russian).
- Jung K.G. (1994), *Problems of the soul of our time*, Trans from German Bokovnikov A.M., Progress: University, B.G., Moscow, Russia (in Russian).
- Kameneva T.N., Kunilova K.D., Tseluiko A.V. (2022), Media communication as a factor of diaspora self-organization, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 4, pp. 56–66, (in Russian), <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-56-66>
- Noskova A.V. (2013), “Complex society in Sergey Kravchenko’s eyes”, *Journal “Polis”. Political studies*, no. 3, pp. 164–167, (in Russian).
- Pearce K. E., Kendzior S. (2012), “Networked authoritarianism and social media in Azerbaijan”, *Journal of Communications*, vol. 62, no. 2, pp. 283–298, <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01633.x>
- Weber M. (2021), *Protestant ethics and the spirit of capitalism*, Trans from German Levina M., AST, Moscow, Russia (in Russian).